

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-45-55
УДК 330.3(045)
JEL O1

Смена экономической модели развития России как ответ на новую геоэкономическую реальность

В.И. Филатов^а, С.А. Побываев^б

^а Институт экономики РАН, Москва, Россия; ^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Санкционная война, развязанная Западом во главе с США против России, формирует новую геополитическую реальность для нашей страны. По сути, России объявлена экономическая война, основными инструментами которой стали отсечение ее от мировой финансовой системы, закрытие важнейших рынков для основных видов российской экспортной продукции и эмбарго на поставки в страну машин и оборудования для различных секторов российской экономики. Введенные против страны санкции несут угрозы как краткосрочного, так и долгосрочного характера. Первые связаны с ухудшением текущей экономической ситуации, но могут быть преодолены в течение одного-двух лет. Вторые могут иметь отложенные, но более глубокие негативные последствия для экономики, поскольку направлены на подрыв ее технологической конкурентоспособности и инвестиционного процесса, что усиливает угрозу затяжной стагнации. Преодоление таких угроз требует продолжительного времени, трансформации сложившейся в стране экспортноориентированной сырьевой модели экономики на основе активизации структурной, научно-технологической и инвестиционной политики. В статье рассматриваются возможные подходы к реализации такого перехода.

Ключевые слова: санкции; системные угрозы; сценарии социально-экономического развития; структурные приоритеты; кредитная эмиссия

Для цитирования: Филатов В.И., Побываев С.А. Смена экономической модели развития России как ответ на новую геоэкономическую реальность. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):45-55. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-45-55

ORIGINAL PAPER

Change of the Economic Model of Russia's Development as a Response to the New Geo-Economic Reality

V.I. Filatov^a, S.A. Pobываev^b

^a Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The sanctions war against Russia unleashed by Western countries led by the United States forms a new geopolitical reality for the country. In fact, an economic war has been declared against Russia, the main instruments of which are the country's cut off from the global financial system, the closure of the most important markets for the Russian main export products and the embargo on the machinery and equipment import to the country, which is essential for various sectors of the Russian economy. The sanctions imposed on the country pose both short-term and long-term threats. The first ones are associated with the degradation of the current economic situation, but can be overcome within a few years. The other ones may have delayed but deeper negative consequences for the economy, as they are aimed at undermining its technological competitiveness and investment process, thus increasing the threat of the prolonged stagnation of the national economy. Overcoming such threats takes a long time and transformation of the country's export-oriented raw material model of the economy based on the activation of structural, scientific, technological and investment policy. The article discusses possible approaches to the implementation of such a transition.

Keywords: sanctions; systemic threats; scenarios of socio-economic development; structural priorities; credit issue

For citation: Filatov V.I., Pobываev S.A. Change of the economic model of Russia's development as a response to the new geo-economic reality. *The World of New Economy*. 2023;17(1):45-55. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-45-55

© Филатов В.И., Побываев С.А., 2023

ВВЕДЕНИЕ

После признания Россией 21 марта 2022 г. независимости ДНР и ЛНР и начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) на Украине власти США, ЕС и ряда других стран ввели новый пакет экономических санкций, продолжив санкционную политику, начатую в 2014 г. в связи с возвращением Крыма в состав России.

Новые санкции затронули финансовый сектор, внешнеторговые операции, научно-технологическое сотрудничество; была прекращена или приостановлена деятельность в России ряда иностранных компаний. Санкции вводятся порционно (или пакетно), последовательно расширяя подсанкционные виды деятельности, число организаций и круг физических лиц, попадающих под те или иные ограничения. Основными центрами санкционной активности выступают США, Великобритания, ЕС при поддержке Австралии, Канады, Японии и Южной Кореи.

К настоящему времени на подходе уже десятый пакет санкционных ограничений, которые охватывают: суверенный долг РФ; российский фонд прямых инвестиций (РФПИ); Банк России и системообразующие банки; нефтегазовый сектор РФ; экспорт в РФ технологий и товаров двойного назначения, высокотехнологичной продукции, машин и оборудования инвестиционного назначения; транспорт; экспорт из России нефти и нефтепродуктов и природного газа, включая потолочные ограничения экспортных цен, химической и металлургической продукции; прекращение или приостановку деятельности в РФ иностранных компаний в различных секторах отечественной экономики; ограничения связей в сфере культуры, науки и спорта.

Таким образом, по сути, речь может идти о попытке установления полномасштабной блокады российской экономики со стороны США, ЕС, Японии, Австралии, Южной Кореи и других стран прозападной ориентации. Цель такого давления состоит в дестабилизации экономической и внутривластной ситуации в стране, стимулировании роста недовольства российских граждан проводимым суверенным внешнеполитическим курсом и приходе к власти прозападно ориентированного руководства. Вместе с тем, несмотря на то, что российская экономика в 2022 г., судя по всему, справилась с финансово-технологическим блицкригом со стороны альянса западных стран, масштабная санкционная атака на нее содер-

жит целую систему рисков и угроз достаточно долгосрочного характера, формируя для страны новую геоэкономическую реальность.

САНКЦИОННЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ

Прежде всего необходимо отметить **угрозу длительной стагнации экономики России**. Несмотря на то что в ушедшем 2022 г. экономический спад оценивается на уровне лишь 2,5% ВВП (что гораздо меньше ожидаемых экспертами в марте прошлого года 8–12%), рубль сохранил устойчивость, а инфляция, хотя и приблизилась к 12%, но оказалась гораздо ниже прогнозируемого уровня, не следует рассчитывать на быстрое восстановление экономической динамики.

Угроза стагнирования российской экономики в среднесрочной (до 2025 г.) перспективе определяется характером рецессии. Она связана не с циклическим кризисом, вызванным усилением внутренних структурных дисбалансов, а с внешними шоками (тотальными санкциями), которые, по всей видимости, будут иметь долгосрочный характер. В среднесрочной перспективе на стагнацию экономики будет оказывать влияние целый ряд факторов.

Во-первых, так как санкционный кризис вызван внешними геополитическими причинами, неопределенность в экономике будет сохраняться на высоком уровне до их исчерпания. Однако в сложившихся геополитических реалиях трудно предсказать, что это возможно ранее 2024 г. **При этом завершение военной фазы конфликта на Украине не приведет автоматически к отмене или серьезному ослаблению экономических санкций. Поэтому было бы реальнее исходить из того, что экономические санкции против России будут сохраняться достаточно долго, а значит, причины, породившие кризисные явления, также могут принять затяжной характер.**

Во-вторых, относительно благоприятные для России экономические итоги прошлого года были вызваны не только адекватными мерами ЦБ и Правительства, но и благоприятной ценовой конъюнктурой на экспортируемые из России энергоносители. **Скорее всего, уже в текущем году конъюнктура может ухудшиться в связи с высокой вероятностью замедления темпов экономической динамики в мире, прежде всего, в ЕС, США, КНР, что станет сдерживать и ценовую динамику на экспортируемые энергоносители и другие сырьевые товары.**

В-третьих, наиболее чувствительные санкции (в первую очередь отказ от импорта российских энергоносителей) еще только начинают реализовываться. Даже в случае улучшения геополитической ситуации ждать изменения данной усиливающейся тенденции не стоит. **Вероятно, следует исходить из понимания, что Россия теряет европейский рынок газа (порядка 100 млрд м³), а переориентация на восточные рынки потребует времени и значительных инвестиций.**

В-четвертых, из-за сокращения доходов от экспорта энергоносителей уменьшатся нефтегазовые доходы, доля которых в 2020 г. составляла 25,7% федерального бюджета, при том, что сам объем нефтегазовых доходов сократился, по сравнению с 2019 г., на 2,8 трлн руб.¹ При этом сокращение доходов бюджетной системы будет проходить на фоне необходимости увеличения расходов, связанных с проведением СВО, восстановлением и интеграцией в российское пространство ряда бывших регионов Украины. В свою очередь, это ограничит ресурсные возможности для финансирования расходных статей бюджета (связанных с выполнением социальных обязательств государства), что будет сдерживать темпы роста реальных доходов населения и, следовательно, ограничивать спрос со стороны домохозяйств и возможность стимулировать экономический рост путем наращивания потребительского спроса за счет интенсивного кредитования населения (как это происходило в России в прежние годы). В итоге, главным фактором поддержания спроса останутся государственные инвестиции, в том числе, в транспортную и иную инфраструктуру.

В-пятых, ограничения на экспорт в Россию технологического инвестиционного оборудования **будут сдерживать динамику инвестиций в основной капитал и тормозить технологическую модернизацию национальной экономики.** По оценкам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), доля импорта товаров из объявивших ограничительные меры государств (США, стран ЕС, Канады, Великобритании, Японии, Южной Кореи и др.) в общем объеме конечного потребления Россией товаров и услуг составляет 3,9%.

Наибольший вред санкции могут нанести фармацевтической отрасли: доля лекарств из стран, которые ввели ограничения, составляет в России почти половину всего конечного потребления фармацевтической продукции (48,2%). На втором месте — сфера химических веществ и продуктов (44,7% конечного потребления попало под санкции), а на третьем — производство самолетов, кораблей, железнодорожных локомотивов (32,2%). Значительная зависимость от импорта из стран, объявивших санкции, также наблюдается в автомобилестроении (27%), изготовлении резиновых и пластмассовых изделий (26,8%), производстве бумаги (19,9%) и электрического оборудования (19,4%). Ситуация усугубляется транспортной блокадой, которая касается российского морского, авиационного и автомобильного транспорта².

В краткосрочном периоде наиболее тяжелым последствием санкций является сокращение критического импорта — электронных компонентов, фармацевтики, промежуточной продукции для автопрома и авиапрома. Снижение поставок такой продукции создает угрозу резкого уменьшения выпуска, а в отдельных случаях — и остановки производства, что в конечном счете сказывается и на ВВП, и на занятости, и на доходах населения. Кроме того, эта ситуация провоцирует превышение спроса над предложением, а значит, и рост цен.

В среднесрочном периоде (но с долгосрочными последствиями) существенное влияние начнут играть ограничения поставок инвестиционного оборудования и технологий для достаточно широкого круга секторов российской экономики. Санкционное давление в технологической сфере в основном проявляется в виде ограничения доступа России к импорту высокотехнологичных товаров и технологий (более 50% импорта из стран дальнего зарубежья), блокирования деятельности крупных российских предприятий, ухода из страны иностранных высокотехнологичных компаний, приостановки научно-технологического сотрудничества по международным проектам и членства России в ряде международных компаний.

¹ URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzheth_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf

² Расчет был проведен на данных ФТС об импорте в Россию и межотраслевом балансе Росстата за 2019 г. (таблицы использования товаров и услуг). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/21/623323de9a79475581a199ea>

Цель этих санкций — подорвать технологическую мощь страны, снизить конкурентоспособность отечественной экономики, нанести удар по стратегическим отраслям (включая развитие ОПК, аэрокосмическую промышленность, судостроительный комплекс), замедлить освоение технологий шестого технологического уклада — искусственного интеллекта, квантовых вычислений и т.п. Предпринимаемые санкционные меры усиливают угрозы технологической изоляции России и чреваты оттоком высококвалифицированных кадров и ученых, подрывом потенциала для роста конкурентоспособности.

Кроме того, торговая блокада вкупе с утратой возможности выхода на мировые финансовые рынки приведет к ограничению доступа к инвестиционным ресурсам. При этом речь идет не столько о финансовых ресурсах, сколько об материально-технологическом наполнении инвестиционного процесса. Произошедшая в постсоветский период деградация промышленного потенциала привела к высокой зависимости (70–80%) инвестиционного процесса от импортного оборудования, масштабы которой на 2020 г. оценивались в 5,6 трлн руб., в то время как объем выпуска продукции инвестиционного назначения [производство машин и оборудования, электротехнического оборудования, транспортных средств и оборудования (кроме автомобильной техники)] едва ли превышал 4,7 трлн руб.³ Такая зависимость от импорта машин и оборудования означает замкнутость на внешние рынки воспроизводственного процесса в части получения по импорту необходимых средств производства и поддержания их в рабочем состоянии. Эмбарго на поставки данного оборудования в Россию, которое в атмосфере антироссийского психоза быстро распространилось не только на круг подсанкционных (нефтегазовый сектор, энергетика, ОПК), но и на другие отрасли, уже в течение ближайших одного-двух лет может начать генерировать проблемы, связанные с нехваткой реальных ресурсов для эффективной эксплуатации такого оборудования и поддержания досанкционных объемов выпуска. Все это будет оказывать негативное воздействие на темпы экономической динамики в различных секторах.

³ Оценки сделаны на основе данных «Инвестиции в России 2021»; «Российский статистический ежегодник 2021».

Не следует возлагать большие надежды и на так называемый параллельный импорт. Эксплуатация сложного инвестиционного оборудования требует технологического сопровождения (консультации), качественного ремонта, надежного доступа к запасным частям, что трудно обеспечить при обходных схемах поставки. Дефицит импортных комплектующих или их замена на менее производительные отечественные изделия неизбежно повышают удельные затраты для предприятий.

Таким образом, введенные западными странами экономические санкции в технологической сфере являются для России наиболее болезненными, поскольку могут иметь долгосрочный негативный эффект, усиливая угрозу технологической деградации производственного потенциала и снижения конкурентоспособности выпускаемой продукции. Во многих секторах, лишившихся доступа к технологическим инновациям и высокопроизводительной технике, неминуемо начнется падение эффективности и производительности труда, что на фоне демографических ограничений, опять же, может сдерживать потенциал экономического роста.

Вместе с тем следует иметь в виду, что, по сути, отмеченные выше санкционные риски и угрозы являются следствием (обострением) рисков и угроз, порожденных сложившейся в нулевые годы и функционирующей в России сырьевой экспортоориентированной экономической моделью. Для нее характерны низкие темпы экономической динамики, ущербная структура экономики и технологическая зависимость ее гражданских отраслей, слабая инвестиционная и инновационная активность, а также открытая финансовая система, способствующая устойчивому оттоку капиталов из страны [1].

Открытость российской финансовой системы выступала необходимым условием экспортоориентированной модели экономики, выстраиваемой на базовых принципах Вашингтонского консенсуса. Такая открытость имела разнонаправленные последствия для развития отечественной экономики. С одной стороны, введение в 1992 г. внутренней конвертируемости национальной валюты рассматривалось в качестве важнейшего инструмента обеспечения открытости экономики и привлечения в нее внешних инвестиций. Иностранные инвестиции активно вошли в целый ряд высокоприбыльных секторов российской эконо-

мики — нефтедобычи, пищевой промышленности, автопрома, торговли, консалтинга и страхования, банковского дела и пр. В то же время конвертируемость, которая не основывалась на росте конкурентоспособности национального хозяйства, означала изменение эмиссионной политики ЦБ. Если в советский период размеры эмиссии увязывались с масштабами хозяйственного оборота и обеспечивались всеми ресурсами, вовлекаемыми в него, то конвертируемость предполагает жесткую привязку масштабов эмиссии к динамике валютных поступлений в экономику и зависит от размеров экспорта и внешнего кредитования экономики через коммерческие кредиты и финансовые рынки. Поскольку открытость российской экономики не основывалась на росте ее конкурентоспособности в результате структурной и технологической модернизации, эмиссия базировалась на экспортных возможностях узкой группы отраслей: ТЭК, металлургии, базовой химии, а также валютных поступлениях на финансовый рынок от внешних инвесторов. Строго говоря, финансовая система страны была «подсажена» на «валютную иглу», порождающую ее высокую уязвимость для внешних шоков и хроническую денежную анемию во всей экономике при значительных масштабах вывоза капитала из страны, объемы которого в 2022 г., по некоторым оценкам, могут достигнуть 200 млрд долл. США. Если оценивать реальные результаты тридцатилетнего функционирования России в глобальной финансовой системе, то оно имело, скорее всего, негативные последствия, консервируя и углубляя сложившиеся к началу 90-х гг. структурные диспропорции советской экономики и еще более осложняя условия для адаптации национального хозяйства к новым реалиям глобальной конкуренции. Введенные в 2022 г. санкции против финансового сектора России, по сути, выталкивают страну из глобальной финансовой системы, основанной на долларе США и подконтрольных им международных финансовых институтах, что является дополнительным серьезным вызовом для России, требующим адекватного ответа в виде формирования суверенной денежно-кредитной системы страны.

СЦЕНАРНЫЕ ВАРИАНТЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

В настоящее время пока еще сложно делать прогнозы о сроках завершения российско-укра-

инского конфликта и его последствиях для российской экономики. Продолжительность и глубина спровоцированной санкционной атакой рецессии российской экономики будет зависеть от продолжительности и ожесточенности собственно военной стадии конфликта и формата его завершения. Не следует исключать вероятность ее затягивания за границы 2023 г. и даже расширения за счет вовлечения новых участников из числа соседних с Украиной стран НАТО при активизации их материально-технической поддержки со стороны ведущих стран альянса — США, Англии, ФРГ и др. В этом случае перед страной может встать задача расширения мобилизационных инструментов в экономике в целях наращивания масштабов централизации ресурсов для продолжения военного противостояния⁴.

Другим возможным сценарием станет затухание к 2024 г. острой фазы военного конфликта и достижение договоренностей с Западом о признании сложившегося на тот период статус-кво, удовлетворяющего Россию, с формальным сохранением основных санкционных ограничений, их последующим постепенным «размыванием» и возвращением российской экономики на тренд экономической динамики, существовавший до обострения украинского кризиса. По сути, речь идет о восстановлении или продолжении функционирования российской экономики в формате сложившейся докризисной сырьевой модели со сменой европейских внешнеэкономических партнеров на восточных, но с сохранением целого ряда экономических вызовов и угроз, которые сформировались до обострения конфликта и не

⁴ Экономическая мобилизация (от фр. Mobilizer — приведение в движение) — комплекс мероприятий, обеспечивающих перевод имеющихся экономических ресурсов на особый режим функционирования, обычно связанный с военным временем. Содержательно механизмы мобилизационной экономики означают ограничение, в той или иной степени, свободного распределения (движения) экономических ресурсов на основе рыночных механизмов и усиление административных инструментов распределения материальных, трудовых, финансовых и валютных ресурсов в интересах наращивания военного потенциала. В широком понимании экономическая мобилизация может означать формирование механизмов концентрации экономических ресурсов для скорейшего достижения иных (не военных) первоочередных целей экономической политики, связанных с ускорением экономической динамики, структурной и технологической модернизацией национальной экономики, преодолением каких-либо иных угроз национальному развитию.

исчезнут сами по себе с прекращением военной фазы противостояния на Украине.

Таким образом, возвращение к инерционному сценарию, скорее всего, будет означать сохранение в долгосрочном периоде существующей структуры российской экономики, а также более низкий, чем в среднем за 2000–2019 гг., вклад технологического прогресса в рост ВВП. Кроме того, необходимо учитывать негативные демографические тенденции, которые не смогут компенсироваться ростом производительности. Такие процессы, особенно в условиях внешнеэкономических ограничений, вероятно, не позволят ускорить темпы экономической динамики и повысить уровень конкурентоспособности российской экономики.

Если оценивать более долгосрочную перспективу за рамками 2025 г., то возвращение на инерционный сценарий экономического развития, возможно, приведет к дальнейшему затуханию темпов экономической динамики российской экономики. По оценкам ИМП РАН, при инерционном сценарии развития экономики России среднегодовые темпы прироста ВВП могут снизиться в 2021–2025 гг. с почти 2% до 1,2%; в 2026–2030 гг. они не превысят 1,7%, а в 2031–2040 гг. уменьшатся до 1,6% [2]. Такая динамика вряд ли может оцениваться как приемлемая на фоне темпов экономического роста новых основных экономических партнеров России на Востоке — КНР и Индии, которые, скорее всего, будут оставаться гораздо выше (4–6% годового прироста ВВП) в достаточно продолжительной перспективе. Следовательно, России для поддержания своей относительной экономической мощи необходимо ориентироваться на аналогичные темпы экономического роста.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Чтобы ускорить среднегодовые темпы экономической динамики (прироста ВВП) хотя бы до 3–4% среднемировых после завершения острой фазы конфликта, потребуются вывод российской экономики на качественно новый тренд социально-экономического развития на основе ее масштабной структурной и технологической модернизации, а также активизация мер по преодолению сложившихся ранее структурных дисбалансов, формирующих основные риски и угрозы динамичному социально-экономическому

му развитию страны. В свою очередь, для этого необходим существенный рост эффективности функционирования инвестиционного контура экономики. Такое совершенствование должно затрагивать процесс формирования структурных и технологических приоритетов инвестиционной деятельности и систему стимулирования к ее активизации хозяйствующих субъектов, а также финансовые механизмы ее обеспечения [3]. Несмотря на то что необходимость смены сложившейся модели функционирования национальной экономики на протяжении довольно длительного периода отмечается в научном и аналитическом сообществе, по многим вопросам не удалось сформировать консенсусных позиций, необходимых для практической реализации ее давно назревшей трансформации [4–6].

Прежде всего так и не сформирован «образ будущего» для России, опираясь на который можно конкретизировать целевые ориентиры структурного разворота российской экономики (с учетом места нашей страны в евразийской системе разделения труда и перспектив формирования новых воспроизводственных цепочек на восточном направлении), определить основных внешнеэкономических партнеров и ресурсы. Важнейшим инструментом этого процесса должна стать *разработка долгосрочной Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 года*, в рамках которой необходимо обозначить основные направления и стратегические подходы социально-экономического развития страны в новых геополитических и геоэкономических реалиях. Для достижения целей, заложенных в такой Стратегии, необходимо реализовывать программы, включающие набор инструментов для проведения государственной политики в приоритетных сферах и отраслях экономики, как это и предусмотрено Федеральным законом № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятом еще в 2014 г., но так и не применяемом на практике. Реализация положений Закона позволит повысить качество *стратегического управления* экономическим развитием на основе формирования отлаженной эффективной системы планирования и прогнозирования, включая оценку рисков (последствий реализации) проектов решений, а также механизм согласования отраслевых, частных и региональных интересов, подчиненный интересам развития страны в целом.

Следует отметить, что и в складывающейся новой геоэкономической реальности остаются актуальными неоднократно озвученные основные направления структурной модернизации российской экономики. Во-первых, это формирование ядра производств нового перспективного технологического уклада на основе нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC-технологий) как основы для поддержания на необходимом уровне обороноспособности и геополитического суверенитета страны, а также позиционирования ее на новых перспективных товарных рынках [7]. Разворачивающаяся в стране широкомасштабная цифровизация различных сфер деятельности затрагивает лишь одно из базовых направлений перехода к новому технологическому укладу, который включает в себя более широкий набор базовых технологий. Помимо этого, в российских реалиях масштабы цифровизации будут сдерживаться высокой зависимостью от импортных программных решений и оборудования для ИТ-технологий. Кроме того, цифровизация в производственном секторе российской экономики может сдерживаться высокой зависимостью от импорта технологического оборудования и технологий с соответствующим программным обеспечением [8].

Во-вторых, это масштабное импортозамещение в производстве машин и технологического оборудования для основных секторов национальной экономики с целью обеспечения технологического суверенитета и воспроизводственного процесса на собственной технологической основе [9]. Наконец, это повышение глубины переработки экспортируемых топливно-энергетических и сырьевых ресурсов для повышения эффективности экспорта.

При существенной активизации инвестиционного процесса, повышении доли инвестиций в нефинансовые активы (прежде всего, в основной капитал отраслей обрабатывающего сектора промышленности) реализация задачи масштабной структурной модернизации российской экономики будет осуществляться достаточно долго (вряд ли менее десятилетия). Напомним, что в соответствии с установками Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» предусматривалось увеличение капиталовложений к 2030 г. в 1,7 раза, или на 14,7 трлн руб. в текущих ценах. В пересчете

на среднегодовые показатели это предполагает ежегодный прирост инвестиций в течение десятилетия на уровне не ниже 5,5%, или 1,5 трлн руб. в год. Такую динамику, конечно, трудно считать инвестиционным бумом, хотя она и предусматривает практически полторакартный прирост по сравнению с 2010–2020 гг. (1,01 трлн руб.)⁵.

Важно обратить внимание на отраслевую структуру инвестиций в основной капитал в разрезе видов деятельности. Так, в 2020 г. инвестиции в обрабатывающие производства составили лишь 14,6% (2,94 трлн руб.) от общего объема инвестиций в основной капитал (увеличившись с 2015 г. в текущих ценах на 35%), в то время как общий объем инвестиций в нефинансовые активы за тот же период возрос на 44,7%.

Если рассматривать динамику инвестиций в разрезе видов деятельности, формирующих современное гражданское машиностроение и приборостроение, то за период 2015–2020 гг. они выросли лишь на 5%, с 405,5 до 429 млрд руб., а их доля в общем объеме инвестиций в промышленность снизилась с 8,9 до 6,9%. При этом в области производства машин и оборудования объемы инвестиций с 2015 г. устойчиво снижались в текущих ценах с 82,1 до 60,8 млрд руб. на протяжении всего периода. Соответственно, их доля в общем объеме инвестиций в российскую промышленность упала с 1,8 до 0,97%⁶. Аналогичная ситуация отмечалась и в других технологически емких видах деятельности — производстве компьютеров, электронных и оптических изделий, электрического оборудования, автотранспортных средств. При такой инвестиционной активности не удивительно, что результаты проводимого с 2015 г. импортозамещения в гражданском машиностроении и приборостроении более чем скромные.

Переход к новой экономической модели развития российской экономики предполагает формирование эффективной **системы стимулирования хозяйствующих субъектов к инновационной и инвестиционной деятельности**. Ключевой задачей экономической политики становится создание таких условий для бизнеса, которые бы мотивировали его к вложению инве-

⁵ Рассчитано на основе данных «Инвестиции в России 2021». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_56/Main.htm

⁶ Рассчитано на основе данных «Инвестиции в России 2021». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_56/Main.htm

стиций и инновациям в качестве основных инструментов обеспечения динамичного и устойчивого роста конкурентоспособности и прибыли.

Этому должна содействовать эффективная система налоговых льгот для затрат на инвестиции и инновации и целевое налоговое воздействие на соотношение распределения прибыли, направляемой производителем на потребление и инвестирование [10].

По нашему мнению, стимулирование инвестиционной и инновационной деятельности может осуществляться путем введения специального инвестиционного налогового вычета (до 50% налогооблагаемой прибыли) при повышении номинальной ставки налога на прибыль до 28–30%. Таким образом, реальная ставка налогообложения прибыли в случае инвестиционного вычета может быть снижена до 14–15%. Средства инвестиционного вычета могут резервироваться на специальных инвестиционных счетах хозяйствующих субъектов с регламентированным направлением их использования на инвестиционные цели.

Важным для формирования системы стимулирования инвестиций и инноваций становится прозрачность затрат и результатов хозяйственной деятельности и изъятие через налогообложение сверхприбыли рентного характера, не связанной с ростом масштабов и эффективности такой деятельности. Инструментом обеспечения такой прозрачности может стать активизация ценовой политики в отношении продукции ТЭК, а также металлургии, химической промышленности, производства строительных и других материалов, формирующих затраты в области обрабатывающего сектора экономики. Для такой продукции могут определяться «эталонные цены» с учетом реальных воспроизводственных условий (себестоимость производства плюс экономически обоснованная прибыль), которые не заменяют рыночные цены, а используются для определения реальных объемов налогооблагаемой прибыли, формируемой в условиях реализации продукции по реальным рыночным ценам.

Установление такого принципа формирования цен на сырьевые товары и полуфабрикаты позволит, исходя из существующей структуры затрат, снизить издержки на продукцию обрабатывающих отраслей и существенно повысить их ценовую конкурентоспособность на внутреннем и мировых рынках.

Переход к политике активной поддержки масштабной структурной и технологической модернизации российской экономики потребует кардинального наращивания инвестиций в основной капитал отраслей реального сектора, мобилизации финансовых ресурсов для финансирования расширенных инвестиционных программ.

Санкции в финансовой сфере, введенные против России и блокирующие возможности нормального функционирования ее экономики в глобальной финансовой системе, диктуют необходимость выстраивания суверенной денежно-кредитной политики, ориентированной на финансовое обеспечение структурной и технологической модернизации национальной экономики, устойчивых и динамичных темпов экономического роста [11].

Масштабы инвестиционного кредитования могут быть кардинально расширены в рамках формирования специального *инвестиционного финансового контура на основе специализированных государственных институтов развития (по сути, специализированных инвестиционных банков)*, которые осуществляли бы финансирование масштабных инвестиционных проектов в приоритетных сферах национальной экономики на кредитной основе [12].

Речь может идти о существенном наращивании (на триллионы рублей) масштабов целевого кредитования приоритетных инвестиционных проектов через специализированные институты развития, как это уже практикуется ВЭБ, Фондом развития промышленности и пр. Рефинансирование таких институтов может осуществляться ЦБ через скупку долговых обязательств, эмитируемых институтами, под гарантии государства, с зачислением объема такой эмиссии на внутренний госдолг, обслуживание которого производится за счет текущих доходов федерального бюджета. Поскольку наращивание внутреннего долга происходит за счет кредитных (возвратных) ресурсов, механизм погашения долговых обязательств институтов развития перед ЦБ встроен в саму схему кредитования, а общие масштабы такой целевой кредитной эмиссии должны лимитироваться размером имеющихся в экономике реальных инвестиционных ресурсов (оборудование, сырье и материалы, валютные ресурсы) для отобранных инвестиционных проектов.

Финансирование конкретных инвестиционных проектов осуществляется на основе сов-

местного участия (долевого софинансирования) государственного института развития и частных инвесторов. Институты развития в такой схеме выступают в роли квалифицированного кредитора — посредника между эмиссионным центром и частными инвесторами, а долговые обязательства по проекту в конечном итоге ложатся на частных инвесторов, которые после погашения всех долговых обязательств становятся собственниками созданных активов.

Кроме того, необходима реализация целого комплекса мер по обеспечению прозрачности функционирования денежных потоков, формированию затрат и результатов, ограничению валютных спекуляций и утечки капиталов за рубеж. Все отмеченные условия должны формироваться в рамках общей трансформации сложившейся хозяйственной модели в направлении повышения заинтересованности бизнеса в активизации инвестиционной и инновационной деятельности.

В то же время в среднесрочной перспективе возрастает актуальность формирования альтернативной долларовой параллельной системы международных расчетов. В такой системе с применением национальных валют заинтересованных стран в качестве инструментов курсообразования могла бы использоваться корзина иных твердых валют, включая специальные средства заимствования МВФ, золото и набор стратегических сырьевых товаров.

ВЫВОДЫ

Масштабные экономические санкции, введенные против Российской Федерации и охватывающие финансовую и внешнеторговую сферы, формируют новую геоэкономическую реальность для российской экономики, создают очередные и усиливают сложившиеся ранее угрозы социально-экономическому развитию страны. По сути, перед нами встала проблема выбора. Если оставить за

рамками анализа сохраняющуюся вероятность расширения или пролонгации острой фазы открытого противостояния со странами НАТО на Украине и необходимости перевода экономики на мобилизационные условия, остаются два сценария развития российской экономики. Первый включает воспроизводство сложившейся экспортоориентированной сырьевой модели экономики с переориентацией от западных партнеров на восточных соседей с воспроизводством всех структурных рисков и угроз, связанных с ее функционированием, включая геополитические.

Второй связан с повышением самодостаточности экономического развития страны на основе преодоления структурных диспропорций и ускорения экономической динамики. Реализация такого давно назревшего сценария предусматривает масштабную структурную и технологическую модернизацию экономического потенциала, а также диверсификацию экспортного потенциала за счет среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции обрабатывающих отраслей. В свою очередь, это потребует трансформации сложившейся в постсоветской России экономической модели путем стимулирования к активизации инновационной и инвестиционной деятельности, расширения ресурсной базы для реализации структурного разворота экономики. Стимулирование инновационной и инвестиционной деятельности в отраслях обрабатывающего сектора предлагается проводить на основе реформирования налогообложения прибыли и обеспечения прозрачности процесса формирования затрат и результатов хозяйственной деятельности. Материальное обеспечение процесса структурной трансформации российской экономики предлагается осуществлять на основе расширения целевой кредитной эмиссии для финансирования институтов развития и приоритетных инвестиционных проектов различной отраслевой направленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аганбегян А.Г. Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2020;(3–4):29–73.
2. Широ А. А., ред. Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. *Научный доклад*. М.: Артк Принт; 2022. 296 с.
3. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста. *Проблемы прогнозирования*. 2019;(1):3–15.
4. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широ А.А. От модернизации экономической политики к качественному росту экономики. *Российский экономический журнал*. 2016;(1):3–15.

5. Ахапкин Н.Ю., Никифоров Л.В., ред. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста. М.: Инфра-М; 2017. 298 с.
6. Клепач А.Н. Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021;227(1):30–91. DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–30–91
7. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Российская экономика: поиск эффективной стратегии. *Мир новой экономики*. 2018;12(1):6–21. DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–1–6–21
8. Ленчук Е.Б., ред. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски. СПб.: Алетейя; 2020. 320 с.
9. Сухарев О.С., Глазунова В.В. Обрабатывающие производства России: структура инноваций и стратегия экспорта и замещения импорта машин. *Экономические стратегии*. 2019;21(6):78–89. DOI: 10.33917/es-6.164.2019.78–89
10. Лыкова Л.Н. Налоговая поддержка инновационно-инвестиционной активности и использование институтов бюджетно-финансовой системы в реализации политики структурной модернизации экономики. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы. СПб.: Алетейя; 2022:218–447.
11. Ершов М.В., Танасова А.С. О некоторых механизмах стимулирования кредитования. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020;225(5):104–113. DOI: 10.38197/2072–2060–2020–225–5–104–113
12. Филатов В.И. Финансовые ресурсы роста российской экономики. *Мир новой экономики*. 2021;15(2):97–106. DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–2–97–106

REFERENCES

1. Aganbegyan A. G. The new Russia 30 years later: Achievements and shortcomings (a socioeconomic analysis). *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions*. 2020;(3–4):29–73. (In Russ.).
2. Shirov A.A., ed. Potential growth opportunities for the Russian economy: Analysis and forecast. Scientific report. Moscow: Artik Print; 2022. 296 p. (In Russ.).
3. Aganbegyan A. G. On immediate actions to reinvigorate social and economic growth. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;(1):3–15. (In Russ.).
4. Ivanter V.V., Porfiriev B.N., Shirov A.A. From economic policy upgrading to a qualitative economic growth. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2016;(1):3–15. (In Russ.).
5. Akhapiin N. Yu., Nikiforov L.V., eds. Socio-economic conditions of transition to a new model of economic growth. Moscow: Infra-M; 2017. 298 p. (In Russ.).
6. Klepach A.N. Social and the innovative turn of the Russian economy: plans and reality. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;227(1):30–91. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2021–227–1–30–91
7. Lenchuk E.B., Filatov V.I. The Russian economy: Searching for effective strategy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2018;12(1):6–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–1–6–21
8. Lenchuk E.B., ed. Formation of the digital economy in Russia: Challenges, prospects, risks. St. Petersburg: Aletheia; 2020. 320 p. (In Russ.).
9. Sukharev O.S., Glazunova V.V. Manufacturing in Russia: Structure of innovations and export strategy and replacement of import of machines. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2019;21(6):78–89. (In Russ.). DOI: 10.33917/es-6.164.2019.78–89
10. Lykova L.N. Tax support for innovation and investment activity and the use of institutions of the budgetary and financial system in the implementation of the policy of structural modernization of the economy. In: Structural modernization of the Russian economy: Conditions, directions, mechanisms. St. Petersburg: Aletheia; 2022:218–447. (In Russ.).
11. Ershov M.V., Tanasova A.S. About some mechanisms of stimulating credit growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;225(5):104–113. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2020–225–5–104–113

12. Filatov V.I. Financial resources for the growth of the Russian economy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(2):97–106. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2021–15–2–97–106

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Иванович Филатов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Vladimir I. Filatov — Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-8119-5836>

filatov.vladshimir@yandex.ru

Сергей Алексеевич Побываев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегического прогнозирования и планирования Института экономической политики и проблем экономической безопасности департамента экономической безопасности и управления рисками факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey A. Pobываев — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center for Strategic Forecasting and Planning, Institute for Economic Policy and Economic Security Problems, Department of Economic Security and Risk Management, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-7312-7059>

fm.fa@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.01.2023; после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 20.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.01.2023; revised on 30.01.2023 and accepted for publication on 20.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.